

Лилия Гущина. Мужчина и методы его дрессировки. Между мужем и любовником. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999, 207 с.

ДЛИТСЯ и длится вечный бой мужчин и женщин. И ничего в этой драке радостного нет, потому что бой этот они ведут не друг с другом, а с социальными нормами и порядками. Кому повезло, отбиваются от жизни спина к спине, впрочем, время от времени используя и иные позиции.

Причем вопрос о супружеской или прочей верности встает время от времени. Он не вполне задушен нашей раскрепощенностью. Может быть, в следующем веке, как мечтал герой Фаулза, понадобится что-то другое, нежели раскрепощенность и эксперименты. Сейчас же надо мириться с тем, что есть, когда на штурм общественных норм побежали, бросаясь противозачаточными пилюлями, солдаты и матросы сексуальной революции.

И ВЕЧНЫЙ БОЙ... Свиданий наших каждое мгновение

Впрочем, очень хочется встретить вменяемого партнера. Поэтому нестройные голоса советчиц из модных (в разном смысле этого слова) женских журналов, ломкие газеты, телевизионный шепот вызывают уныние. Они лишены иронии — вот в чем дело.

В этом смысле книжка Гущиной — счастливое исключение. Человек пишет о жизни без ханжества, а это дорогого стоит. В ней есть хороший нескудный язык, когда в одном абзаце живет целый курортный роман: «Я не поклонница этого жанра, но и не противница. Вообще за самую плохонькую ширпотребовскую любовь отдаю всю ненависть мира — и праведную, и неправедную. Легions почитателей курсовки заставляют признать за ней некий магнетизм. Как же, как же — лазурные волны, белые пароходы, шампанское «Брют» под виноград «Изабелла», «утомленное солнце нежно с морем прощалось», ночные купания, пятнистые от вдавленной гальки лопатки подружки. В портмоне пухлая пачка кунор между обручальным кольцом и обратным билетом. Никаких тебе долгов. Ни служебных, ни супружеских. А главное, никто не окликнет, не опознает, не донесет. Покой и воля».

И все же главное здесь — ирония, за которую можно отдать полжизни (потому что каждый раз судьба предлагает делить жизнь пополам, то есть на двоих). «От главного пункта в мужском обвинении — зафиксированной близости — так легко не отрестишь-

ся. Поэтому постарайся исключить рискованные ситуации. Лучше пусть сто раз услышит, чем один — увидит».

Никогда не устраивай свидания в своем доме. Это пикник в кратере вулкана. Даже когда муж улетел в полярную экспедицию или уплыл с аквалангом в Турцию. На полпути вспомнит, что забыл носовой платок, и непременно вернется, сиганув с парашютом или оседлав акулу.

Вы расстелили скатерть, разложили яства и собирались сдвинуть бокалы. Тут-то и загрохочут ключи в заблокированном замке, забьется в истерике звонок, а потный Паоло замечется по квартире, тщетно пытаясь вдеть тряскую ногу в рукав твоего халата.

После знакомства и легкой потасовки они запрутся на кухне, раздавая поллитру, сначала каждый будет курить свои, потом конфискует у тебя сигареты, последнюю по-братски разделит пополам и, окончательно сроднившись, со-

читут общие финансы и канут в ночь. На рассвете один из них вернется. Угадай, который и с цветами или без?»

Однако с журналом книжку о любовниках и любовницах роднит другое — ворох рецептов (от масок для лица до гимнастики) да стихи — почти с культуртрегерской настойчивостью разбросанные по страницам.

Иннокентий Анненский (понятно, что среди миров, в мерцающих светил, Тарковский (понятное дело, старший). Гумилев — ясное дело, с «Жирафом», а Северянин — в ажурной пене, где встречается редко городской экипаж.

Это должен знать каждый. Вернее — каждая. Хотя бы для того, чтобы знать, что прошепчет мужчине на ушко, прежде чем начать жать на колено.

Чтобы знать общий, унылый набор стихотворений — набор рядового ловеласа. Это уже повод для драки или, если хотите, для скоротечного рукопашного боя.

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

Лилия Гущина: «Я живу в городах моей любви»

СКАЖИТЕ, что связывает вас с Воронежем?

— А почему не Воронеж? Я живу в городах моей любви. Вот где находится тот мужчина, который в какой-то момент связан с моей судьбой, — в том городе я и живу. Как-то часто они попадают в Воронеж...

— Наверное, это обетованная земля.

— Я училась в Воронежском университете, а потом училась на режиссерских курсах, это были такие телевизионные курсы. Но ни по одной специальности, которую я изучала, я потом не проработала ни одного дня.

— А где получалось работать? — Вопрос непонятен. Что значит «работать»? Работать — это как? Какие у меня в трудовой книжке записи?

— Да нет, это то, о чем потом вспоминаешь. Есть занятия, которые могут казаться неглавными, но к которым время от времени возвращаешься, перебираешь их в своей памяти, как старые письма. У вас есть целая глава про Пречистенку...

— Вообще-то это глава не про Пречистенку, а про Эммануила Ефимовича Лившица и его клуб такой... А на Пречистенке я работала бомжем. Там жил мужчина, которого я любила, он работал там дворником и учился в аспирантуре, занимался немецкой литературой и расчищал дорогу, по которой ездил на работу Лужков. Расчищал, надо сказать, до летнего состояния. А я при этом присутствовала. Нелегально.

А в моей книжке, то есть в моей трудовой книжке, есть всего одна запись. Я в течение четырех лет, в течение восьми дней работала контролером танцплощадки. Меня приняли на работу двадцать девятого или тридцатого апреля, то есть накануне Вальпургиевой ночи, а потом уволили. За неявку. Я прогуляла единственные восемь дней, внесенные в мою трудовую книжку. Собствен-

но, на этом все. Когда я окончила университет и пришла в одно заведение культуры (там кто-то требовался), было полшестого вечера. И вот, там сидела томная дама и играла одним пальчиком «Чижик-пыжик, где ты был». Я ей сказала, что вот пришла, что знаю, что у них место было. И спросила при этом, кто она. Дама ответила, что она заместитель директора.

Я говорю: «А что вы здесь сидите?» Она и сказала, что до конца рабочего дня еще полчаса, и вот она сидит и играет «Чижика-пыжика» одним пальцем. Ждет шести часов.

Я ушла, поняв, что никогда не буду работать в учреждении, где, зная, что до конца рабочего дня полчаса, я буду тыкать в клавиши одним пальцем.

— Но в результате получилось какое-то другое дело...

— Да я и для газет и журналов делала только то, что было мне интересно. Постоянной дружбы с ними не было. Не хочу я, чтобы моей жизнью кто-то распоряжался. Любая структура. Хотя кто-то, кто может спросить, почему я здесь, а не там.

— Ну хорошо. А что же получается делать в то время, что освобождено от работы?

— Читать книжки, переживать и осмысливать какую-нибудь любовную историю. Учиться. Очень люблю чему-нибудь учиться.

— А есть привязанность к быту? К какому-то конкретному месту?

— Нет. Кочевая кровь не позволяет мне засидеться. Моя подруга говорит мне, что, дескать, такое, что, почему? У тебя же есть квартира, а ты все в дороге, на вокзал. Охота к перемещению.

— А давно случилась книжка стихов? Конечно, нормальный человек за свою жизнь должен написать нормальное количество стихотворений. Книжка — это некоторая формализация занятия. Для того чтобы сделать книжку, нужно во-

левое усилие, и довольно сильное. Нужно иметь волю к печатанию.

— Ну, это получилось так. Дело в том, что я совершенно не наблюдала за процессом. Я привезла рукопись, а потом сразу увидела книжку в готовом виде. Я даже не смотрела сигнальные экземпляры. Это как ребенок, которого нельзя подправить, пока он зреет, изменить ему ногти или еще что по своему желанию. Я отдала рукопись, зачатие с издательством произошло, а дальше вышло вот такое...

— Ну тогда от издательства нужно большое мужество, чтобы издавать стихи. Не секрет, что продать их очень тяжело.

— А это бартер.

— Ух ты! А это как?

— Ну, издание моей книги стихов — фактически мой гонорар за мою следующую книгу прозы.

— А что за книга?

— Следующая книга будет в той же стилистике, что и первая. Называться она должна «Она ему годится в матери», а раньше должна была называться «Пажеский корпус» — о любви людей совершенно разного возраста.

Итак, издательство издает мои стихи, и с этого момента начинается отсчет времени до предоставления им следующей рукописи. Они поторопились и сделали ее в хорошем виде. Да и мне хотелось до конца тысячелетия эту книгу увидеть. Теперь надо справиться со своей частью обязательств.

— А получалось ли печатать стихи в периодике или это было нелюбопытно?

— Вопрос поставлен неправильно. Если это иногда получалось, это совершенно не значит, что это было интересно. Это случаи совпадения. Они иногда бывали. Было в «Парусе», было в «Авроре», было в «Юности». Но это не было стояние с потной протянутой рукой.

— А у вас детство счастливое было?

— Это взрослый вопрос. Он обращен к детству из взрослой жизни. Мне кажется, что внутри детства понятия «счастье» и «несчастье» вообще нет.

Зато сейчас я думаю: ну куда-а подевались солдатики? Такие плоские солдатики с крапинками. Присядешь на корточки, а они бегут повсюду. Это вообще-то какие-то жучки, похожие на удлиненных божьих коровок.

И было детское поверие, что трогать их нельзя, потому что ночью описеешься. И вот, можно за ними было смотреть бесконечно, боясь при этом дотронуться. Это были жучки из детства.

Или куда подевались калачики, которые ел. Для меня детство было постоянным удивлением.

— А можно сказать, что было какое-то влияние со стороны классиков?

— Есть восточное ученичество, когда ты просто растворяешься в учителе, а потом потихоньку заново кристаллизуешься. А есть школьное ratio. Нормальное учение — это страсть. Вы меня спросите: была ли страсть? И я отвечу — такая страсть была.

— И какая?

— Жуткая была страсть. Страшная. Это Марина Цветаева.

— Но это не очень оригинально. Но, правда, понятно. А потом?

— Потом все. Я сделала, что хотела. Сделала фильм «Встреча» — фильм о Цветаевой и Ахматовой. Это был фильм о двух профилях русской поэзии, которые образуют одно лицо. Его показали по первой программе. Вышел этот фильм, слепился. И сейчас время от времени его показывают в Воронеже. Да все мы в итоге делаем себя или для абстрактной красоты. Вот, кстати, делали у нас в Воронеже памятник Бунину. И среди прочих позвали меня посмотреть. Я и сказала: надо, чтобы Бунин был с собакой. Ведь он хотел остаться как раз не прозаиком, а поэтом

Лилия Гущина, вольная птица.

А что помнит средний человек из стихов Бунина? Про собаку все помнят. Были большие споры и ссоры, но в итоге есть у нас памятник Бунину с собакой. Барская собака такая, длинноногая. Сказал он ведь — хорошо бы собаку купить... Хорошо, когда мечта сбывается. Теперь сидит и радуется. А я хожу мимо и тоже радуюсь.

— А стихи на музыку не хотелось положить?

— Иногда мои стихи действительно кладут на музыку — есть такой маленький ансамбль у нас — «Песочные часы». А один зек

написал мне письмо на Главпочтамт до востребования. Там были рисунки его умершего друга, огромная такая пачка иллюстраций к стихам. И, между прочим, он сказал, что поет эти стихи своим товарищам, раскачиваясь на нарах.

— А феминистки к себе не звали?

— А зачем я им? Да и нет их в Воронеже. Вернее, в моей квартире. А за ее пределы выхожу я редко.

Беседовал
Иван СИНДЕРЮШКИН

Гущина Лилия

1999

19.11.99